

ПОКА СТАНЦИЯ СПАЛА

и
НАТАЛЬЯ ПОЛЫННАЯ

Наталья Полынная

Пока станция спала

<https://litres.ru/74637643>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если вы проснулись раньше всех — и космос не отвечает?

Елена Ветрова должна была провести долгий перелёт в криосне. Но она просыпается вне графика: «Талия» молчит, курс изменился, экипаж не отвечает. Любая ошибка способна поставить под угрозу всех.

Елене предстоит чинить корабль, отделять факты от страха и решить, когда разбудить товарища. Следовать старому плану — или признать, что реальность изменилась?

«Пока станция спала» — научно-фантастическая история о выборе и ответственности в неизвестности. Для тех, кому близки космические загадки и герои, которые учатся не контролировать всё, а действовать шаг за шагом. История Елены напомнит: опора не требует полной уверенности — иногда достаточно проверить факты, попросить о помощи и сделать следующий разумный шаг.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Перед долгой ночью	5
Пробуждение вне графика	17
«Талия» без голосов	27
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Наталья Польшинная

Пока станция спала

Пока станция спала

Наталья Польшинная

Перед долгой ночью

Елена Ветрова просунула руку за панель и нащупала холодный фиксатор.

В тесном отсеке пахло металлом, антисептиком и чем-то сладким из пакета с аварийным пайком. Приглушённые лампы заливали переборки янтарным светом. Под ногами мелко дрожала палуба: «Талия» проверяла двигатели перед стартом. Через два часа экипаж должен был покинуть орбиту, а через несколько часов после разгона лечь в криосон.

Елена потянула за кабель, проверила защёлку, провела пальцем по стыку. На экране загорелась зелёная отметка.

— Это уже третий раз, — сказал Павел Орлов за её спиной.

— Второй.

— Я записал три.

— Значит, ты записал неправильно.

Павел хмыкнул. Он сидел на краю скамьи в сером термокомбинезоне и пытался сложить в маленький планшет слишком длинный список. «Разбудить техников», «проверить колёно», «спросить у командира про кофе после посадки». Последний пункт он перечеркнул и написал снова.

— Кофе на станции будет? — спросил он.

— Если станция жива, — отозвался Тимур Каримов, корабельный врач. Он стоял у шкафа с медицинскими укладками.

ми и сверял контейнеры по наклейкам. — Если кофе не просрочен. Если Павел не выпьет его до того, как мы проснёмся.

— Я не могу отвечать за то, кем стану после одиннадцати месяцев криосна.

— Ты и сейчас не можешь, — сказала Елена.

Павел улыбнулся. Все улыбнулись, даже командир Мара Сато, которая до этого молча смотрела на график разгона. Смех вышел короткий, как щелчок реле.

Елена вернулась к панели.

Их улыбки не обманули её. Она просто не знала, что делать с тем, что они скрывали за ними. За шутками, за ровным голосом Мары, за списками Павла, в которых каждый пункт непременно касался дел, а не мыслей. За собственной привычкой проверять соединения, когда никто не просил.

— Ветрова, — сказала Мара. — Сколько осталось?

— До старта или до того, как Павел заведёт список «что я буду делать после пробуждения»?

— До готовности связи.

— Семнадцать минут, если внешний маяк не решит снова поиграть в прятки.

Мара подняла взгляд.

— Он уже прятался?

Елена на мгновение замерла, прежде чем ответить. Её пальцы всё ещё лежали на кабеле.

— Один раз. Короткий провал. Я проверяю.

Корабль «Талия» летел к удалённой станции «Касси-

ни-Рубеж» в системе Талия. Там ожидали новую экспедицию, но сама станция молчала дольше положенного: последние пакеты данных приходили с задержкой, а потом стали редкими. Их задача была проста только в официальном описании: добраться, восстановить связь, выяснить, что происходит. После разгона экипаж проведёт большую часть пути в криосне. Автопилот должен будет поддерживать курс, беречь энергию и следить за состоянием корабля.

Если автоматика обнаружит серьёзную неполадку, первой разбудят Елену. Она отвечала за связь и знала систему достаточно хорошо, чтобы быстро понять, где корабль потерял голос. Остальных поднимут по необходимости. Таков был протокол. Таков был порядок.

Елена доверяла протоколу. Она не была уверена, что доверяет тому, кто его исполнит.

— Внешний маяк не наша система, — сказала Мара. — Но канал на корабле проверяется отсюда.

— Знаю.

— Я не спрашиваю, знаешь ли ты.

Елена убрала руку от панели и посмотрела на командира.

— Канал чистый. Сигнал пропал на четыре секунды. Потом вернулся.

— Причина?

— Пока нет.

— И ты собираешься выяснить её за семнадцать минут?

— Я собираюсь выяснить, что могу.

Мара кивнула, но не ушла. Тишина между ними оказалась теснее самого отсека.

— Ты не спала, — сказала она.

— Спала.

— Сколько?

— Достаточно.

— Это не число.

— Тогда два часа.

— Елена.

— Мара.

Командир не стала спорить. Она посмотрела на её руки. На ногте большого пальца темнела полоска машинной смазки.

— Ты можешь сказать, что боишься, — произнесла она тихо. — Это не нарушит график.

Елена вернулась к панели.

— Я боюсь, что мы потеряем связь.

— Это работа. Я спрашиваю не о работе.

Елена хотела ответить, что одно от другого неотделимо. Что в космосе страх часто выглядит как цифра на экране, а тревога — как кабель, который всё ещё можно проверить. Но слова застряли. Она не знала, как признать, что боится не только ошибки, а того момента, когда все проверки закончены и сделать больше нечего.

— Я проверю маяк, — сказала она.

Мара задержала взгляд на её лице, затем отступила.

— Проверь. Но не пытайся чинить то, что не сломано.
Фраза задела сильнее, чем Елена ожидала.

Она открыла журнал внешней связи и вывела на экран сырые данные. Маяк передавал короткие импульсы через равные промежутки. На графике они складывались в аккуратную цепочку, нарушенную единственным провалом. Елена прогнала проверку приёмника, потом резервного канала, потом контрольного сигнала с корабельного буя. Всё было в норме.

Она снова запросила внешний маяк.

Ответ пришёл сразу.

Потом исчез.

На этот раз Елена не моргнула. Четыре секунды. Пять. Шесть.

Павел перестал возиться со списком. Тимур поднял голову от шкафа. Мара встала.

Сигнал вернулся на седьмой секунде.

— Пакет потерян, — сказала Елена. Голос прозвучал ровно, будто она читала инструкцию. — Внутренние каналы без ошибок.

— Частота провала? — спросила Мара.

— Слишком короткий интервал, чтобы делать выводы. Зафиксирую время и приложу журнал.

— Хорошо.

Елена записала данные. В её сознании тут же выстроился ряд следующих действий: повторить запрос, сравнить фа-

зу, проверить антенну, запросить наземный контроль, изучить помехи, пересчитать запасные варианты. Ряд тянулся, как лестница в темноте. На каждой ступени ждала следующая.

— Ветрова, — сказала Мара. — Пауза.

— Я почти закончила.

— Это не одно и то же.

Елена закрыла журнал. Пальцы сами нашли край планшета и стиснули его.

— Если мы сейчас уйдём, а маяк продолжит пропадать, автоматика может не отличить помеху от аварии.

— Может.

— Тогда она разбудит меня.

— Да.

— А если она не разбудит?

Мара не ответила сразу.

— Тогда будем разбираться, когда и если это случится.

Это был разумный ответ. Елене он не понравился. В нём не было ни гарантии, ни тайного рычага, ни способа отменить неизвестность.

Павел спрыгнул со скамьи и убрал планшет в карман.

— Я тоже боюсь, — сказал он. — Просто у меня список дел, и пока я его пишу, кажется, что я занят полезным.

Тимур закрыл шкаф.

— А я пересчитал аптечку четыре раза.

— Пять, — сказал Павел.

— Четыре. Пятый раз я просто смотрел на неё.

Мара опустила глаза, пряча улыбку. Елена почувствовала, что в отсеке стало немного больше воздуха. Не потому, что страх исчез. Просто его перестали выдавать за отсутствие страха.

— Я проверяю аппаратуру, — сказала она. — Не только её.

— Вот это и есть проблема, — тихо ответила Мара.

Елена хотела возразить, но остановилась. Она вспомнила, как перед стартом спрашивала Павла, составил ли он список. Как просила Тимура повторить проверку укладок. Как смотрела на лицо Мары, пытаясь определить, достаточно ли та спокойна, чтобы командовать. Ей казалось, что если она заметит тревогу раньше остальных, то сможет обезвредить её, как неисправный разъём. Подтянуть, закрепить, дать сигнал.

Но чувства не были соединениями. Их нельзя было защёлкнуть в нужном положении.

Она открыла новый файл и назвала его «Перед криосном».

— Что ты делаешь? — спросил Тимур.

— Короткую проверку.

— У нас уже есть длинная.

— Длинную я закончила. Теперь короткая.

На экране появились два столбца: «Что могу проверить» и «Что придётся принять».

Елена замерла над клавиатурой. Потом начала печатать.

В первом столбце:

1. Зафиксировать время обоих провалов внешнего маяка и сохранить журнал сигнала.
2. Проверить резервный канал и схему пробуждения экипажа.
3. Подтвердить герметичность криокамер и передачу управления автопилоту.

Во втором:

1. Я не могу заставить внешний маяк отвечать без сбоев.
2. Я не могу гарантировать, как каждый из нас перенесёт криосон.

3. Я не могу знать, что именно ждёт нас на станции.

Она перечитала строки. Хотела добавить ещё одну: «Я не могу контролировать, что чувствуют остальные». Но остановилась. Эта мысль не относилась к кораблю. И всё же относилась.

Внизу она напечатала: «Я не обязана устранять неопределённость, чтобы быть готовой действовать».

Потом стёрла эту строку. Она звучала как лозунг, а Елена не доверяла словам, которые слишком легко помещаются на плакат. Вместо этого добавила: «При тревоге сначала проверить данные. Затем выбрать следующий шаг».

Это было похоже на инструкцию. Инструкция хотя бы не обещала, что тревоги не будет.

Она выполнила пункты первого столбца. Сохранила журнал. Проверила резервный канал. Подтвердила схему про-

буждения. Провела ладонью по кольцу криокамеры, проверяя фиксатор и индикатор давления. На каждом шаге отмечала завершение. Не перепроверяла завершённое.

На последнем пункте задержалась.

Автопилот принял маршрут, расчётный коридор был свободен. Система отобразила зелёное подтверждение, затем запросила финальное разрешение на передачу управления. Елена могла нажать кнопку. Вместо этого она посмотрела на график маяка.

Два провала. Один короткий, другой длиннее.

Она уже сохранила оба. Резервный канал работал. Запрос на станцию отправлен. Ответа не было, но ответа никто и не обещал.

Елена нажала «Подтвердить».

— Готово, — сказала она.

— Для настоящего готово или для списка? — спросил Павел.

— Для списка.

— А настоящее?

— Ему я ничего не обещала.

Павел кивнул, будто понял. Возможно, понял. Возможно, просто услышал достаточно, чтобы не задавать следующий вопрос.

Сначала в криокамеру легли остальные. Тимур проверил датчики на каждом, Мара лично убедилась, что автоматическая последовательность запускается корректно. Павел пе-

ред тем, как закрыть крышку, поднял большой палец.

— Если проснусь и не вспомню, кто я, напомните, что я был обаятельным.

— Я напомним, что ты был пилотом, — сказала Мара.

— Жестоко, но точно.

Крышки камер закрылись одна за другой. Дыхание экипажа стало тихим и размеренным, затем замедлилось под действием седативного раствора. На мониторах появились спокойные линии. Елена следила за ними, пока Мара не спросила:

— Ты собираешься остаться здесь до самой посадки?

— Нет.

— Хорошо.

— Я собираюсь проверить данные ещё раз.

— Елена.

— Только один раз.

Мара посмотрела на неё и не стала спорить. Через несколько минут её камера тоже была закрыта. За прозрачной крышкой лицо командира казалось удивительно молодым и безмятежным. Елена отвернулась первой.

Когда автоматические заслонки закрыли криосектор, она осталась одна в соседнем техническом отсеке. Вибрация двигателей постепенно ослабевала. Корабль уже завершил разгон и шёл по курсу, который не требовал от неё ни одного движения. Впереди лежали месяцы тишины, если всё пойдёт по плану. Если не пойдёт, первой разбудят её.

Елена подключила диктофон к личному терминалу. Она собиралась оставить экипажу сообщение на случай непредвиденного пробуждения. Не приказ, а последовательность действий: проверить время и состояние камер, не поднимать сразу всех, сверить тревогу автопилота с данными связи, только потом выбирать, кого будить. Она говорила спокойно, без лишних слов, как привыкла говорить по рабочему каналу.

В конце добавила:

— Не пытайтесь решить всё сразу. Сначала разберитесь, что именно случилось. Если вам страшно, не принимайте страх за доказательство, что вы что-то упустили. Но и не стыдитесь его. Он не отменяет ваших навыков.

Она сохранила файл в общей папке. Потом открыла другую запись, личную. Назвала её «Елене. Если проснёшься вне графика».

Красный индикатор загорелся.

Елена долго смотрела на него. Она не знала, какой окажется та, что услышит эту запись. Уставшей, растерянной, сердитой. Может быть, одна в темноте, с сообщением о повреждении и пустотой вместо ответа. Она не могла заранее придумать фразу, которая сделает её будущую жизнь легче. Но могла оставить голос, чтобы в нужный момент одиночество не оказалось совсем без свидетеля.

— Если ты слышишь это, значит, ты проснулась раньше, чем должна, — сказала Елена. — Сначала назови то, что

перед тобой. Не то, чего ты боишься. То, что видишь. Потом проверь дыхание, время и сигналы. Не обязательно понимать всё сразу. Достаточно понять, что делать следующим.

Она остановила запись и сохранила файл, не переслушивая. Затем легла в свою камеру. Крышка опустилась, мягко отрезая её от тусклого света и едва слышного гула корабля.

Система запросила подтверждение сна. Елена положила ладонь на внутреннюю панель и нажала кнопку.

За стенками «Талии» внешний маяк продолжал посылать свои короткие импульсы. На одном из экранов корабля зелёная линия мигнула, исчезла на несколько секунд и вернулась. Автопилот сохранил отклонение в журнале.

Елена этого уже не видела.

Её последние ясные мысли были не о том, что всё будет хорошо. Она не могла этого знать. Она подумала о трёх проверенных вещах, о трёх оставленных без ответа и о следующем шаге, который всё ещё можно было выбрать.

Потом корабль погрузился в свою долгую ночь.

Пробуждение вне графика

Красный свет вспыхнул под закрытыми веками.

— Нештатное пробуждение. Медицинский цикл восстановления не завершён. Не покидайте камеру.

Голос произнёс это так ровно, словно сообщал прогноз погоды. Крышка капсулы дрогнула, над головой загудел механизм. Елена открыла глаза и тут же зажмурилась: аварийные лампы резали зрение. Во рту было сухо, язык казался чужим. Она попыталась вдохнуть глубже, но грудь отозвалась тяжёлой болью, будто за ночь на неё положили каменную плиту.

Ночь. Слово не подходило. Она не знала, сколько прошло времени и где кончился сон.

— Повторите сообщение.

— Нештатное пробуждение. Медицинский цикл восстановления не завершён. Не покидайте камеру.

Крышка поднялась на треть и остановилась. Елена сглотнула. Пальцы слушались плохо, но панель управления под правой рукой светилась. На ней мигали сразу три предупреждения.

МЕДИЦИНСКИЙ ЦИКЛ: 31 %.

ДАВЛЕНИЕ В ОТСЕКЕ: ОТКЛОНЕНИЕ.

ГЕРМЕТИЧНОСТЬ КАПСУЛЫ: ПОДТВЕРЖДЕНА.

Она моргнула, попыталась сосредоточиться на первой строке. Буквы расплывались и снова собирались. За пределами капсулы что-то коротко пискнуло.

— Корабельный интеллект, статус корабля.

Ответа не последовало.

Елена нажала на связь с экипажем. Панель показала список имён, затем каждому присвоила один и тот же серый знак: **КАНАЛ НЕ ОТВЕЧАЕТ**. Она коснулась экрана снова, уже быстрее. Запросила общий вызов, состояние автопилота, навигационный журнал. Окна открывались одно поверх другого. Красное предупреждение уползло под белое, белое перекрывало синее. Система требовала выбрать приоритет, а она не могла вспомнить, какой из них важнее.

— Открыть аварийный журнал. Запустить диагностику. Поднять экипаж. Корабельный интеллект, ответьте.

— Запрос не распознан. Уточните действие.

Елена раздражённо ударила пальцем по панели. Удар вышел слабым. Кожа на костяшке отозвалась тупой болью.

Крышка капсулы приподнялась ещё на ладонь. Елена решила, что ждать нельзя. Она ухватила за край, подтянулась и попыталась сесть. Пол качнулся. В животе поднялась тошнота, ноги будто забыли, что у них есть кости. Елена перенесла вес на левую руку, но ладонь соскользнула с гладкого края. Она осела обратно в кресло, задев плечом внутреннюю стенку.

По панели пробежала новая строка:

НЕЗАВЕРШЁННЫЙ ВЫХОД ИЗ КАПСУЛЫ. РИСК ПАДЕНИЯ.

— Спасибо, — выдохнула Елена.

Её дыхание было частым и неглубоким. Сердце стучало слишком громко, словно пыталось перекричать сигнализацию. В голове теснились вопросы: кто разбудил её, что случилось с кораблём, почему не отвечает экипаж, насколько опасно давление, где находится станция и сколько времени она провела в анабиозе. Она потянулась к панели, чтобы открыть все предупреждения разом, но остановилась. Пальцы дрожали.

Тогда из памяти поднялся её собственный голос, записанный перед сном: «То, что видишь. Потом проверь дыхание, время и сигналы. Не обязательно понимать всё сразу. Достаточно понять, что делать следующим».

Елена закрыла глаза на секунду. Не чтобы успокоиться. Чтобы перестать читать.

Она не знала, безопасно ли вокруг. Но знала, что сейчас сидит в капсуле, дышит и чувствует боль в плече. Этого было мало для ответа. Достаточно для начала.

Остановись.

Она положила обе ладони на живот, не пытаясь подняться. Вдохнула на счёт четыре, медленно выдохнула. На третьем выдохе сердце всё ещё колотилось, зато воздух перестал застревать в горле. Она сгибала пальцы по очереди, проверяя, слушаются ли они. Шевельнула ступнями. Правая нога

отозвалась покалыванием, левая — тяжестью. Резкой боли в груди не было. Зрение оставалось мутным, но уже не плыло.

Паника никуда не исчезла. Просто перестала занимать всё пространство.

Проверь тело.

Елена посмотрела на предупреждение о давлении. Красный индикатор мигал рядом со строкой **ОТКЛОНЕНИЕ**, а ниже всё ещё стояло **Герметичность капсулы подтверждена**. Доверять одному сообщению и игнорировать другое было бы одинаково поспешно. Она потянулась не к экрану с меню, а к маленькому механическому манометру у внутреннего края крышки. Такие приборы оставили в капсулах именно на случай, когда главная система начинала спорить сама с собой.

Стрелка стояла в зелёной зоне.

Елена прислушалась. Вентиляция работала ровно, без свиста и шипения. По внутреннему ободу крышки тянулась непрерывная светлая линия уплотнителя. Она провела пальцем по доступному участку: поверхность была холодной, но сухой. Никакой струи воздуха, никакого запаха озона, никакого движения крышки.

Это не доказывало, что корабль в порядке. Это доказывало лишь, что сама капсула сейчас удерживает давление.

Проверь среду.

Она не стала открывать крышку дальше. Не стала проверять, можно ли встать, и не стала спорить с красным сигнала-

лом. Панель сообщала о «давлении в отсеке», но не уточняла, в каком именно. Манометр относился к капсуле. Две вещи могли быть правдой одновременно: капсула герметична, а где-то за её стенками есть проблема.

— Система, покажи источник сигнала о давлении. Только источник.

На этот раз панель приняла команду. Появилась строка: **КОНТУР СЛУЖЕБНОГО КОРИДОРА, СЕКТОР Б. ДАТЧИК 04. ДАННЫЕ НЕ ПОДТВЕРЖДЕНЫ.**

Елена перечитала её дважды. Коридор находился за пределами отсека анабиоза. Предупреждение оставалось важным, но оно не требовало немедленно распахивать капсулу. Если бы она подчинилась первому импульсу — вскочить, открыть крышку, добраться до общего пульта, — то могла упасть ещё до того, как узнала бы, что именно проверяет.

Она коснулась панели вызова экипажа, но не стала повторять общий сигнал. Пока капсулы остальных закрыты, отсутствие ответа не означало, что с ними случилось худшее. Это означало только то, что канал не отвечает.

Елена обнаружила в боковой нише аварийный хронометр. Небольшой круглый прибор был закреплён под прозрачной крышкой и работал от собственного резервного источника питания. Она разблокировала защёлку. На экране стояло время с момента начала перелёта: **15 лет, 2 месяца, 10 дней.**

В главном журнале корабля значилось то же самое.

Она сверила часы ещё раз, потом ещё. Хронометр мог ошибаться на секунды, корабельный журнал — на минуты. Но не на девять лет. Навигационный блок показывал расчётную точку маршрута, соответствующую пятнадцатому году пути. Даже если один прибор вышел из строя, второй и навигация не указывали на одинаковую ошибку.

Сверь два источника.

Елена знала расписание пробуждения. Она сама участвовала в его утверждении: дата, резервные окна, медицинские допуски. Предполагалось, что капсулу откроют через двадцать четыре года и два месяца после старта. На экране расписания теперь стояло:

ПЛАНОВОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ: ЧЕРЕЗ 9 ЛЕТ.

Она почувствовала, как страх снова поднимается — уже не слепой, а точный. У девяти лет была форма. Её можно было измерить, вписать в журнал, поставить рядом с двумя независимыми часами. От этого она не становилась менее страшной.

— Причина пробуждения? — спросила Елена.

— Неизвестное событие. Доступны подробности.

— Подробности. Только журнал событий.

На экране возникли строки с отметками времени. Елена читала медленно, по одной, не раскрывая вложенные отчёты.

В 03:14:08 приёмный блок дальнего канала зафиксировал входящий сигнал. Несколько коротких импульсов. Несущая частота совпадала с частотой внешнего маяка, который «Та-

лия» принимала и прежде. Но кодировка пакета не совпала ни с одной известной системе связи. Направление поступления определялось неуверенно. Источник не идентифицирован.

В 03:14:11 медицинская система получила команду на внеплановое пробуждение.

СВЯЗЬ СОБЫТИЯ С ВХОДЯЩИМ СИГНАЛОМ: ПОДТВЕРЖДЕНА.

Елена перестала дышать на мгновение. Потом заставила себя выдохнуть. Сигнал вызвал пробуждение. Это было подтверждено журналом. Кто его отправил, зачем и откуда именно, журнал не сообщал.

Она не стала открывать все данные о маяке. Не стала пересылать импульс на общий канал и не стала отвечать неизвестному источнику. Ей хотелось нажать сразу на каждую команду, которая могла приблизить объяснение. Но сейчас объяснение не было ближайшей задачей.

— Система, остаток медицинского цикла?

— Шесть минут сорок секунд.

— Подтверди безопасное положение.

— Камера герметична. Рекомендуются оставаться в горизонтальном положении до завершения восстановления.

Одно действие. Елена выбрала **ПРОДОЛЖИТЬ МЕДИЦИНСКИЙ ЦИКЛ**. Панель приняла команду. Жёлтая полоса пошла слева направо.

Она устроилась глубже в кресле и положила руки вдоль

тела. Ноги по-прежнему казались чужими. Под кожей неприятно покалывало, словно кровь возвращалась к пальцам по узким каналам. Вентиляция мягко гнала воздух. Красный свет сменился тусклым янтарным.

Пока проходили минуты, Елена смотрела на одну точку на крышке. Не на часы. Не на строчки журнала. Не на список экипажа. Она знала, что там остались вопросы. Просто не позволяла им выстроиться в один общий приказ.

Когда медицинский цикл завершился, крышка поднялась полностью. Панель сообщила о нормальном давлении внутри капсулы и допустимой нагрузке на мышцы. Елена медленно села. На этот раз не рывком. Подождала, пока пол перестанет качаться, поставила ступни на опору и только потом поднялась.

Ноги дрожали, но держали.

Она не пошла к двери. Сначала открыла журнал связи экипажа. Капсулы остальных членов команды значились в режиме сна. Состояние каждой было отмечено как стабильное. Попытки вызвать их не доставили сообщений: спящие не могли ответить, а автоматический протокол не разрешал будить всех сразу без подтверждённой угрозы. Это было разумно. И всё же экран с пятью безмолвными именами заставил её сжать кулаки.

Затем она вызвала корабельный интеллект.

— «Талия», ответь голосом. Статус корабля.

Динамик не произнёс ни слова. Экран мигнул.

ГОЛОСОВОЙ КАНАЛ ИНТЕЛЛЕКТА НЕДОСТУПЕН. ДОСТУПЕН ТЕКСТОВЫЙ ИНТЕРФЕЙС.

Елена коснулась края панели, но не ввела новый запрос. Вокруг неё работали вентиляция и насосы. Красная тревога смолкла. Все эти звуки были привычны и потому не заменяли ответа.

На экране по-прежнему светился последний полученный импульс: короткий знак, повторявшийся с регулярностью, похожей на маячный сигнал, но не похожий на известный язык. Елена посмотрела на него и убрала руку от кнопки передачи.

Сначала тело. Потом среда. Потом время и сигналы. Теперь она знала, что делать дальше: не отвечать на неизвестное, не будить экипаж вслепую и выяснить, почему корабельный интеллект лишился голоса.

Она открыла текстовый интерфейс.

Она открыла текстовый интерфейс и набрала: «Диагностика речевого контура. Последняя команда до пробуждения». Запрос ушёл. На экране появилось подтверждение: «ТЕКСТОВЫЙ КАНАЛ ДОСТУПЕН». Ни объяснения, ни голоса — только мигающий курсор и система, которая всё ещё пыталась говорить тем, что у неё осталось.

Елена не стала звать экипаж. Она поняла: отсутствие голоса не означает отсутствие ответа. Теперь следовало искать его в журналах, сбоях и тех немногих сигналах, что «Талия»

ещё могла подать.

«Талия» без голосов

Курсор мигнул, и на экране появилось:

ЗАПРОС ПРИНЯТ. АУДИОВЫХОД НЕДОСТУПЕН.

Елена перечитала строку. Слова были обычными, служебными, почти равнодушными. И всё же она поймала себя на том, что ждёт продолжения: пояснения, уточняющего вопроса, хотя бы знакомого короткого сигнала. Экран остался пустым. Вентиляция гнала воздух по каналам, двигатель ровно держал корабль на курсе, а «Талия» молчала так, будто её тишина была ещё одним прибором, включённым на полную мощность.

Елена открыла журнал диагностики.

Последняя команда до пробуждения: частично повреждена. **Состояние речевого контура:** изолирован. **Причина изоляции:** данные недоступны.

Она задержала взгляд на последней строке. «Данные недоступны» — не то же самое, что «неисправность». И не то же самое, что «опасность». Это была граница знания, а не ответ. — Хорошо, — сказала она.

Собственный голос прозвучал неожиданно громко. Он отразился от стен и вернулся к ней чуть более тонким, чем был внутри головы. Елена посмотрела на микрофон панели, хотя тот не был включён, и почувствовала неприятное желание

добавить: «Я здесь». Слово кораблю полагалось это знать.

Она не стала.

Вместо этого открыла карту внутренних отсеков. Кριοкамеры находились на палубе ниже. Пока «Талия» не отвечала, люди оставались единственными живыми существами, чьё состояние можно было проверить напрямую.

В переходе от мостика к лифту свет казался слишком белым. На матовом полу тянулись едва заметные следы от её магнитных подошв. Елена шла медленно, считая шаги не потому, что боялась потеряться, а чтобы не дать мыслям начать собственный бег. На двадцать седьмом шаге вентиляционная решётка над головой коротко щёлкнула.

Она остановилась.

Щёлк. Пауза. Ещё один звук — глухой, будто кто-то осторожно коснулся металла изнутри.

Первой мыслью было: кто-то проснулся.

Второй: повреждение в воздуховоде.

Третьей — уже без слов — было желание развернуться и бежать к панели связи.

Елена медленно выдохнула. Решётка не шевелилась. Давление в переходе держалось в пределах нормы. По стене пробежала тонкая дрожь — так незаметно, что она могла бы принять её за толчок собственного тела.

Она достала ручной диагностический модуль и проверила поток воздуха. Скорость — штатная. Температура — штатная. Перепад давления — штатный. Щелчок не повторился.

— Наблюдение, — произнесла она в диктофон на за-
пястье. — Короткий металлический звук у третьей решётки
перехода. Давление и поток воздуха в норме.

Запись велась локально, без передачи на «Талию». Елена
включила этот режим ещё до пробуждения, когда проверяла
аварийные каналы. Теперь маленький индикатор на браслете
загорелся зелёным.

— Интерпретация: пока неизвестна. Что проверю дальше:
решётку при следующем обходе.

Её голос дрогнул на слове «неизвестна». Она переслушала
запись. Сама себе казалась человеком, который отчитывается
перед пустой комнатой. Но запись была не для комнаты.
Она была для неё самой — для той Елены, которая через де-
сять минут могла уже помнить не звук, а собственный страх
перед ним.

Лифт опустил её на палубу криокамер.

Двери разошлись бесшумно.

Внутри было прохладнее. Воздух пах фильтрами, сте-
рильной пластмассой и чем-то сладковатым, напоминавшим
медицинский гель. Пять капсул стояли вдоль стены полукру-
гом. На их прозрачных крышках не было конденсата. Внут-
ри каждая фигура казалась неподвижной до нереальности:
кожа бледная, ресницы слиплись от защитного состава, руки
сложены вдоль тела.

На первой панели горело имя командира: **Павел Орлов.**

Елена проверила температуру, давление в контуре, на-

сыщение кислородом, стабильность нейронного подавления. Затем повторила измерение резервным сенсором. Показатели совпали.

Жизненные параметры поддерживаются. Капсула стабильна.

Павел был жив. Это не означало, что он мог проснуться. Не означало, что сможет ответить. Но означало ровно то, что означало: его тело сохраняло заданные параметры.

Елена не стала задерживать взгляд на лице. Она внесла цифры в журнал, коснулась панели подтверждения и перешла к следующей капсуле.

Самиру Нур она знала по коротким разговорам перед полётом. Та однажды спорила с инженерами о том, можно ли назвать бессонницу на корабле проблемой, если на борту нет настоящей ночи. Елена помнила её смех и теперь не могла вспомнить, как именно он звучал. Это оказалось хуже, чем ожидать.

Параметры Самиры были стабильны.

У Виктора Ли — тоже.

У Марины Вороновой один датчик показывал колебание температуры на две десятых градуса выше расчётной нормы. Елена не стала принимать его за сбой и не стала объявлять угрозой. Она проверила соединение, очистила контакты, дождалась повторного замера. Температура вернулась в заданный диапазон.

Пятая капсула принадлежала ей самой.

На стекле отражалось её лицо: коротко подстриженные волосы, тёмные круги под глазами, тонкая царапина у подбородка. В отражении Елена выглядела старше, чем ощущала себя, и значительно менее уверенной, чем хотела бы казаться.

Она сверила данные капсулы с медицинским браслетом. Её тело тоже прошло процедуру без отклонений. Никакого скрытого повреждения, которое могло бы объяснить провалы в памяти. Никакого основания считать, что она одна проснулась не случайно.

Впрочем, «не было основания» не значило «было невозможно».

Елена записала:

Наблюдение: все пять капсул поддерживают жизненные параметры. **Интерпретация:** экипаж жив, но не отвечает в состоянии криосна. **Что проверю дальше:** повторный обход через шесть часов; отдельно сверить резервные показатели.

Она долго смотрела на слова «экипаж жив». Они были фактами, подтверждёнными датчиками, но не обещаниями. Между живым человеком и человеком, который может открыть глаза, лежала целая пропасть, и никакой светящийся индикатор не мог показать её глубину.

Когда Елена закрыла журнал, в дальней части отсека что-то тихо стукнуло.

Она резко повернулась.

Ни одна капсула не дрогнула. Ни один индикатор не изменил цвет. Тишина вернулась на место, но теперь казалась не пустой, а занятой чем-то, чему ещё не придумали названия.

Елена проверила панели. Потом пол. Потом вентиляционные отверстия. Никаких следов повреждения. Она могла остаться и обследовать каждую секцию, но не знала, что именно ищет. Страх уже предлагал ответы — чужое присутствие, трещину в корпусе, ошибку в пробуждении. Ни один из них не опирался на данные.

Она сделала шаг к выходу.

— Обход завершён, — сказала она в диктофон. — Никаких изменений в капсулах. Звук в отсеке не локализован. Проверю при следующем обходе.

Собственный голос не рассеял тревогу. Он и не должен был. Он всего лишь вернул ей последовательность: пришла, проверила, записала, ушла. Четыре действия, которые можно было повторить.

На мостике Елена настроила таймеры. Первый сигнал — через шесть часов, повторный обход капсул. Второй — через сорок минут, проверка журналов системы. Третий — через два часа, контроль кислородного контура и давления.

Она не знала, сколько времени займёт пробуждение экипажа. Не знала, почему «Талия» потеряла голос. Но могла установить, когда снова проверит то, что уже проверяла.

В журнале она добавила новую строку:

Порядок на ближайшие сутки: обход капсул каждые

шесть часов. Проверка жизнеобеспечения каждый второй час. Все нештатные звуки записывать отдельно от их возможного объяснения.

Елена перечитала последнюю фразу. «Отдельно от их возможного объяснения». Это звучало так, будто она составляла инструкцию для кого-то другого. Но, может быть, именно так и следовало поступать, когда в голове становилось тесно от догадок: оставлять между фактом и смыслом немного свободного места.

Пока таймер отсчитывал время, она занялась журналами «Талии».

Текстовый интерфейс отвечал на запросы с задержкой, но отвечал. Команды появлялись на экране зелёным, результаты — белым. Никаких пояснений, никаких приветствий, ни одной фразы, которую можно было принять за голос.

Елена запросила последние сообщения перед изоляцией речевого контура. Большая часть журнала была забита стандартными системными отметками: проверка фильтров, коррекция курса, сверка временных меток, подтверждение питания. Затем записи становились реже. Несколько строк были повреждены настолько, что вместо текста оставались только коды.

Она открыла расширенный фильтр и выделила события, связанные с аудиосистемой.

Речевой контур: переход в режим изоляции. Внешний канал: закрыт. Запрос на восстановление связи:

не завершён.

Время последней записи совпадало с периодом перед её пробуждением. Ниже стояло пустое поле: **Инициатор перехода.**

— Значит, ты сама себя закрыла, — сказала Елена и сразу же поправила себя: — Или система зафиксировала, что контур закрылся. Причина не установлена.

Она включила диктофон.

— Наблюдение: голосовой выход изолирован, причина в доступном журнале отсутствует. Интерпретация: возможен ручной или автоматический переход. Что проверю дальше: происхождение команды и связанные события.

Сказав это, она почувствовала странное облегчение. Не от найденного ответа, а от того, что вопрос стал точнее.

В следующий час корабль не подал ни одного нового сигнала. Елена проверила резервный канал связи, не отправляя ничего наружу. Сверила статус аварийных маяков. Просмотрела данные корпуса. Каждый раз интерфейс возвращал сухие подтверждения. «Доступно». «В пределах нормы». «Нет событий».

Эти слова могли бы успокаивать, если бы за ними стоял тот, кто произнёс их. Но отвечала не «Талия». Отвечала система, которая ещё умела считать и показывать результат. Разница была невелика для приборов и огромна для человека.

Когда из вентиляции донёсся новый звук, Елена вздрог-

нула так резко, что задела локтем край консоли. На этот раз это был не щелчок, а шорох, длинный и мягкий, словно кто-то протаскил ногтем по внутренней стороне стены.

Она не стала сразу идти к решётке.

Сначала посмотрела на часы. Потом записала время. Затем проверила датчики давления и температуры. Ни один показатель не сдвинулся. Она запустила тест вентиляционного контура. Поток воздуха оставался штатным, заслонки отвечали на команду.

Только после этого Елена подошла к стене и приложила к панели диагностический модуль. Шорох не повторился. Через минуту тест завершился: система не обнаружила неисправностей.

— Наблюдение: шорох продолжительностью около двух секунд в переходе, палуба управления. Давление, температура и вентиляционный поток в пределах нормы. Интерпретация: источник не установлен. Что проверю дальше: сравнить время звука с циклом вентиляции.

На этот раз её голос прозвучал устойчивее.

Елена поняла, что боялась не самого шороха. Она боялась, что он станет единственным свидетельством чего-то, чему больше не будет свидетелей. Если «Талия» не могла подтвердить или опровергнуть её выводы, если экипаж спал, то любое ощущение могло превратиться в истину просто потому, что рядом не находилось другого человека, который сказал бы: подожди, давай посмотрим ещё раз.

Она снова посмотрела на свою запись. Факты были на месте. Догадки остались догадками.

Через шесть часов таймер подал тихий сигнал. Елена поднялась и пошла к криокамерам.

На втором обходе она проверила показатели в том же порядке. Орлов. Нур. Ли. Воронова. Елена. Каждую панель — сначала основным датчиком, затем резервным. Каждую запись — с точным временем. Она произносила имена вслух. Не для капсул; они не могли её услышать. Она делала это, чтобы не превратить людей в набор чисел.

— Павел Орлов. Параметры стабильны.

— Самира Нур. Параметры стабильны.

У капсулы Виктора Ли она остановилась на лишнюю секунду: его рука казалась повернутой чуть иначе, чем в прошлый раз. Но измерительная сетка на панели показывала то же положение. Крышка не открывалась. Фиксаторы были на месте. Елена сравнила изображение с предыдущим снимком и увидела, что изменилась не рука — угол света.

Она внесла это в журнал без стыда и без оправданий.

Наблюдение: визуально показалось, что изменилось положение кисти Виктора Ли. **Проверка:** сравнение снимков; положение не изменилось. **Интерпретация:** разница возникла из-за освещения или угла обзора.

Елена убрала снимки с экрана. На этот раз тишина в криокамере не показалась ей глубже, чем раньше. Она всё ещё была здесь, плотная и чужая, но больше не могла незаметно

подменять собой факты.

Вернувшись на мостик, Елена открыла общий системный журнал. Она искала команды, связанные с переходом речевого контура в изоляцию, но фильтр вывел ещё несколько сообщений, ранее спрятанных среди технических отметок.

Первое появилось за двадцать семь часов до пробуждения.

ЗАПРОС К «ТАЛИИ»: ПОДТВЕРДИТЬ ВЕКТОР.
Источник: не определён. **Результат:** без ответа.

Второе — через семнадцать минут и тринадцать секунд.

ЗАПРОС К «ТАЛИИ»: ПОДТВЕРДИТЬ ВЕКТОР.
Источник: не определён. **Результат:** без ответа.

Третье появилось ещё через семнадцать минут и тринадцать секунд. Потом четвёртое. Потом пятое.

Елена выпрямилась.

Запросы не совпадали ни с одним штатным циклом связи. Канал, через который они проходили, был закрыт. Обычная проверка маршрута выполнялась раз в четыре часа, а эти сообщения приходили с точностью до секунды, но намного чаще. В каждом повторялась одна и та же короткая фраза. Ни подписи отправителя. Ни кода подтверждения. Ни пояснения, почему корабль должен был ответить.

Она прокрутила журнал ниже. Между двумя запросами система фиксировала обычные события: коррекцию температуры, проверку питания, сверку часов. Затем снова появлялась строка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.